

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧ

Отчаянные садоводы

История жизни одного поселка
на основе общего чата

ПОВЕСТЬ В 6 ЧАСТЯХ

Андрей Кириллович

**Отчаянные садоводы. История
одного коттеджного поселка**

«Автор»

2026

Кириллович А.

Отчаянные садоводы. История одного коттеджного поселка /
А. Кириллович — «Автор», 2026

«Отчаянные садоводы» — основанная на реальных событиях трагикомическая повесть о людях, которые мечтали о спокойной загородной жизни, но неожиданно оказались участниками многолетнего противостояния. В благополучном коттеджном посёлке под Москвой однажды отключают электричество и воду. Соседи объединяются, чтобы защитить свои дома, но общая беда постепенно оборачивается конфликтом между ними самими. Собственность, деньги, судебные тяжбы и борьба за справедливость превращают вчерашних союзников в непримиримых оппонентов. История разворачивается на страницах общего чата, где за тысячами сообщений проступают человеческие характеры — смешные, противоречивые, иногда трогательные. Это книга о соседстве, доверии и удивительной способности людей ссориться во имя общего блага. О том, как легко провести границу между своими и чужими — и как трудно потом продолжать жить по соседству. Ведь дома можно разделить заборами. А общую жизнь — гораздо сложнее.

© Кириллович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Отчаянные садоводы	7
Глава 1. Группа для борьбы	8
Глава 2. Когда выключили свет	12
Глава 3. Шесть дней	15
Глава 4. Канистра	18
Глава 5. Бутылка	21
Глава 6. Новая труба	24
Глава 7. Не засоряйте чат	29
Глава 8. Недожаренная курица	35
Глава 9. В рамочку	39
Глава 10. Белый дым	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Кириллович

Отчаянные садоводы. История одного коттеджного поселка

Содержание

Часть I. Общее дело

- Глава 1. Группа для борьбы
- Глава 2. Когда выключили свет
- Глава 3. Шесть дней
- Глава 4. Канистра
- Глава 5. Бутылка
- Глава 6. Новая труба

Часть II. Два месяца без света

- Глава 7. Не засоряйте чат
- Глава 8. Недожаренная курица
- Глава 9. В рамочку
- Глава 10. Белый дым
- Глава 11. Тридцать шесть миллионов
- Глава 12. Сто семьдесят тысяч

Часть III. Свои и чужие

- Глава 13. Два ключа
- Глава 14. Исходящее письмо
- Глава 15. Ответить всем
- Глава 16. Ваша честь
- Глава 17. Протокол разногласий
- Глава 18. Судебная погода
- Глава 19. Свои и чужие

Часть IV. После полуночи

- Глава 20. Кусочек весны
- Глава 21. Двадцать одна тысяча пятьсот
- Глава 22. Из-за одной машины
- Глава 23. Посторонние предметы
- Глава 24. Две страховки
- Глава 25. Сто кустов малины

Часть V. В рабочем порядке

- Глава 26. Бриллиант
- Глава 27. Два КПП
- Глава 28. Мама-мама
- Глава 29. На удалёнке
- Глава 30. Одиннадцатое октября
- Глава 31. Чужая фаза
- Глава 32. В рабочем порядке
- Глава 33. Ковшом к воротам
- Глава 34. Объединиться
- Глава 35. Столбы уходят

Часть VI. Дорога между нами

Глава 36. Обратный адрес

Глава 37. Пятьдесят на пятьдесят

Отчаянные садоводы

Повесть в шести частях

Часть

I

. Общее дело

Глава 1. Группа для борьбы

Вечером двадцать восьмого июня две тысячи семнадцатого года Виктор Петрович закончил стричь газон.

Газон занимал не так много места, как мог бы. Остальную территорию участка делили дом с высокими окнами, гостевой домик, мощёная площадка для двух автомобилей и сосны, которые Виктор Петрович категорически запретил трогать строителям. Деревья были старше его, и это казалось достаточным основанием для уважения.

Газон, однако, требовал уважения к себе. Каждую неделю он отрастал снова, как будто не признавал результатов предыдущих переговоров.

Виктор Петрович привык получать результаты. До выхода на пенсию он управлял предприятием, на котором работало несколько сотен человек. Там существовали бюджеты, регламенты, начальники участков и сроки исполнения. Если мусор не вывозили, можно было выяснить, кто за это отвечает.

Теперь он стоял посреди собственного участка с тремя мешками скошенной травы и не знал, куда их девать.

Один мешок остался у калитки. Два других Виктор Петрович отнёс за гостевой домик, чтобы их не было видно с террасы.

Жена как раз накрывала стол на террасе.

— Узнал насчёт травы?

— Сейчас узнаю.

— У кого?

— У соседей.

Он произнёс это уверенно. В конце концов, соседей здесь было достаточно, чтобы решить куда более серьёзную задачу.

Именно в этот момент телефон сообщил, что Виктора Петровича добавили в общий чат посёлка.

Петровский парк рекламировался как посёлок бизнес-класса. На фотографиях были сосны, аккуратные фасады, ровные дороги и люди, которым явно не приходилось спрашивать, куда девать скошенную траву. Соседи на снимках улыбались с такого расстояния, на котором невозможно поспорить.

Жители покупали здесь не только землю. Они покупали представление о жизни, в которой многое уже устроено: ворота открываются, охрана дежурит, дороги чистят, вода течёт, электричество поступает в розетки. За соответствующее качество жизни люди были готовы платить.

Но вскоре выяснилось, что качество жизни не продаётся в комплекте с участком. Его приходится ежедневно согласовывать с другими покупателями.

В семь часов вечера новый чат получил первое содержательное сообщение. Создатель группы, Александр, объяснил её назначение:

«Группа создана для оперативного оповещения жителей по борьбе с Устиновым!!!»

Три восклицательных знака стояли в конце, как три охранника у шлагбаума.

Виктор Петрович перечитал сообщение. Фамилию Устинова он слышал. Одни соседи считали его главным источником поселковых бед, другие предпочитали объяснять ситуацию договорами, собственностью и старыми решениями. Сам Виктор Петрович с Устиновым знаком не был и потому не испытывал к нему достаточно определённых чувств для организованной борьбы.

Он хотел спросить про траву.

Но после объявления войны вопрос о траве выглядел неуместно.

Соседи между тем начали отвечать.

«Спасибо».

«Хорошо, спасибо».

«Замечательно!»

«Отлично!»

Некоторые просили добавить супругов. Один из первых участников предложил использовать группу не только для борьбы, но и для решения общих вопросов. И добавил: только без флуда.

Виктор Петрович обрадовался первой части предложения и задумался над второй.

— Ты знаешь, что такое флуд? — спросил он жену.

— Когда пишут не по делу.

— А трава — по делу?

Она посмотрела на мешок у калитки.

— Для нас — очень даже.

— А для всех?

— Для всех не знаю.

За несколько минут жители успели создать общественный инструмент, определить противника, расширить полномочия инструмента и установить правила пользования им.

Виктор Петрович оценил скорость организации. На его бывшем предприятии подобное совещание заняло бы не меньше часа.

В загородном посёлке бизнес-класса люди часто обладают замечательными профессиональными качествами. Они умеют вести переговоры, строить компании, защищать интересы акционеров и принимать решения на десятки миллионов рублей.

Проблема начинается там, где все они одновременно становятся акционерами одного мусорного контейнера.

В последующие дни чат постепенно обживался. Обсуждали дороги, охрану, камеры, взносы, будущие собрания. По каждому вопросу находился человек с готовой системой и другой человек, способный за пять минут доказать, что система не работает.

Идеи, впрочем, были нешуточные. Кто-то предлагал организовать индивидуальный вывоз мусора: пусть каждый платит за собственный контейнер, а не за соседа. Кто-то считал, что нужна общая система. Кто-то видел в мусоре ещё и способ воздействия на должников.

Уже тогда выяснилось, что слово «справедливость» обладает редким свойством: все его употребляют, но имеют в виду разные счета.

С охраной было не проще. Обсуждали видеокamеры, инструкции, датчики, контроль машин. В какой-то момент возник вопрос, как охранник должен реагировать на автомобиль, в котором вывозят утюг. Ответить на него оказалось труднее, чем подобрать систему видеонаблюдения.

Виктор Петрович следил за перепиской с интересом. Всё это напоминало ему совещания, на которых участники ещё не успели понять, кто кому подчиняется.

Про траву он по-прежнему не спрашивал.

Сначала потому, что было неудобно. Потом — потому, что разговор стал слишком серьёзным. А ещё позже — потому, что он уже трижды обещал жене разобраться и теперь боялся услышать простой ответ, который следовало получить в первый же вечер.

На третий день жена вышла на террасу, посмотрела в сторону гостевого домика и сказала:
— Оттуда пахнет.

— Знаю.

— Ты спросил?

— У них сейчас вопрос собственности.

— Чьей?

— Общей.

— А трава чья?

— Наша.

— Вот и реши свой вопрос собственности.

Виктор Петрович сел в кресло, открыл чат и начал печатать:

«Уважаемые соседи, подскажите, пожалуйста, куда можно вывезти скошенную траву?»

Он перечитал сообщение. Слово «уважаемые» показалось слишком официальным. Он убрал его, потом вернул. Поставил вопросительный знак. Добавил второй, чтобы подчеркнуть срочность, и тут же удалил: два вопросительных знака выглядели как паника.

В чате появилось новое длинное сообщение о поселковых делах.

Виктор Петрович стёр свой вопрос.

Человек, который когда-то без колебаний подписывал многомиллионные договоры, не решился отправить двенадцать слов соседям.

В воскресенье приехал сын.

Он поставил машину у гостевого домика, вышел, вдохнул воздух и посмотрел на три мешка.

— Пап, это что?

— Трава.

— Почему не вывезешь?

— Не знаю куда.

— Так спроси у соседей.

— Они сейчас заняты серьёзными вопросами.

Сын взял отцовский телефон, открыл чат и написал:

«Соседи, куда девать скошенную траву?»

— Ты хоть поздоровался бы, — сказал Виктор Петрович.

— Пап, это чат.

Ответы пришли быстро. Один сосед предложил компост. Другой — мульчирование. Третий предупредил, что выбрасывать траву в лес нельзя. Четвёртый заметил, что вывоз зелёных отходов стоило бы организовать централизованно. Пятый спросил, за чей счёт.

Виктор Петрович следил за обсуждением с уважением. Оно становилось всё обстоятельнее.

— Ну что? — спросила жена.

— Решают.

— Мешки заберут?

— Пока выясняют, кто должен платить.

Сын тем временем загрузил мешки в багажник. Он знал место, куда можно было законно отвезти зелёные отходы, и собирался проехать мимо по дороге домой.

— Я отвезу, — сказал он.

— А как же обсуждение? — спросил Виктор Петрович.

— Пусть обсуждают.

Вечером мешков за гостевым домиком уже не было.

Жена снова накрыла стол на террасе. Пахло соснами, нагретым деревом и ужином. Соседские окна светились за живой изгородью. Посёлок выглядел именно так, как обещал рекламный проспект.

В чате продолжали обсуждать вывоз отходов.

Один участник предлагал включить вопрос в повестку собрания. Другой напоминал о должниках. Третий требовал сначала разобраться с действующими договорами.

Виктор Петрович хотел написать, что его проблема уже решена.

Потом передумал.

Люди наконец нашли общую тему. Зачем им мешать?

Он отложил телефон и налил себе чаю.

Когда-то он руководил предприятием, где любой вопрос начинался с ответственного лица и заканчивался отчётом об исполнении. Здесь отчёт об исполнении уже был, а ответственного лица всё ещё искали.

Впрочем, это было только начало.

Впереди у Петровского парка оставались вопросы гораздо серьёзнее трёх мешков травы. Дороги, коммуникации, деньги и право решать за других. Люди ещё будут объединяться, расходиться, выбирать правления, спорить о протоколах и выяснять, кто имеет право говорить от имени всех.

А в тот июньский вечер группа, созданная для борьбы, впервые показала своё главное свойство: она могла продолжать решать проблему даже после того, как проблема исчезла.

Глава 2. Когда выключили свет

В доме Андрея Кирилловича было три способа узнать, что отключилось электричество. Первый — переставал работать насос. Второй — замолкала вентиляция. Третий — телефон присылал уведомление о потере связи с умным домом, после чего сам умный дом становился бесполезнее обыкновенного.

Техническую систему Андрей Кириллович выбирал тщательно. В кабинете лежала папка с проектами, рядом на полке стоял роутер с двумя антеннами. Свет в саду включался по расписанию, а ворота узнавали автомобиль хозяина.

Зато некоторые вопросы жизни посёлка не узнавали никого.

Их нельзя было открыть приложением.

К началу две тысячи восемнадцатого общий чат существовал уже больше полугода.

Он оброс привычками. Кто-то поздравлял с праздниками. Кто-то спрашивал телефон электрика. Кто-то предупреждал о чужой машине у дома. На просьбу порекомендовать хорошего мастера откликались охотно: рекомендация позволяла проявить заботу и не требовала голосования.

С электричеством было хуже.

Кабели и трансформаторы не очень интересовались тем, какая компания построена хозяином дома, где он учился и сколько у него подчинённых. Им требовались мощность, правильное соединение и люди с доступом к оборудованию.

С доступом в Петровском парке имелись особенности.

Пятнадцатого февраля в чате сообщили, что Устинов приезжал в посёлок, сделал фотографии и уехал. Позже возникла авария у интернет-провайдера. Жители начали выяснять, почему специалист не может попасть к оборудованию в домике охраны и у кого ключ.

На работе Андрей Кириллович не терпел фразы «человек с ключом не пришёл». Если весь процесс держится на одном человеке с одним ключом, значит, процесс нужно перестраивать.

Но на работе он имел право это сделать.

Здесь такого права не было ни у кого из тех, кто звонил провайдеру.

— Представители компании не могут попасть внутрь, — прочитал Андрей Кириллович вслух.

— Чего внутрь? — спросила жена.

— К своему оборудованию.

— Оно же их?

— По-видимому.

— Тогда почему не могут?

— Вот мы и выясняем.

Жена посмотрела на роутер.

— Ты когда покупал этот дом, говорил, что у нас всё предусмотрено.

— Всё, что внутри забора.

— Значит, забор коротковат.

Раньше Андрей Кириллович думал, что поселковые вопросы отличаются от производственных только масштабом. Двадцать домов или двести — всё равно существуют инженерная схема и перечень ответственных.

Теперь он понимал, что схема не всегда содержит ответ на вопрос, кто вправе её открыть. Собственник оборудования, собственник помещения, обслуживающая организация и человек, фактически держащий ключ, могли быть разными людьми.

Когда Андрей Кириллович рассказывал это коллегам, они просили схему.

— Скинь, интересно.

— У нас там сложнее.

— Газ, вода, электричество?

— И люди.

Коллеги сочувственно кивали. Люди числились в любом техническом задании как наиболее непредсказуемая часть системы.

В субботу заезжал сосед Николай Андреевич — руководитель, привычный к совещаниям и письменным решениям. Он предложил разнести текущие проблемы по трём папкам: технические, юридические и организационные.

— Тогда хоть перестанем спорить обо всём одновременно, — сказал Николай Андреевич.

Андрей Кириллович принёс лист бумаги.

Первым они записали интернет.

Во вторую строку — электричество.

Потом воду.

Четвёртая строка получилась длинной: «Кто вправе допускать подрядчиков к объектам».

Николай Андреевич вынул из кармана ручку и подчеркнул эту строку.

— Видишь, это уже не техника.

— Это даже не право, — ответил Андрей Кириллович. — Это человек, которого нет на месте.

Они засмеялись.

Четвёртую строку решили отнести сразу в две папки.

Дальше оказалось, что и остальные строки туда помещаются.

Чат постепенно становился второй планировкой посёлка.

В первой планировке были участки, дороги, сосны и коммуникации. Во второй — имена, возражения, личные обиды и привычные собеседники.

В первой сосед мог жить через три дома и не встречаться с тобой месяцами. Во второй он появлялся на экране в половине первого ночи, чтобы объяснить, почему твой расчёт технически неверен.

Иногда это было полезно. Иногда — удивительно обидно.

Однажды Андрей Кириллович написал подробное объяснение о нагрузке на линию. Он проверил цифры, исключил лишние термины и отправил текст.

В ответ ему поставили значок большого пальца.

Он обрадовался.

Потом другой участник прислал длинное возражение. Третий поддержал второго. Четвёртый предложил не ссориться.

В следующие двадцать минут оказалось, что никто не обсуждает нагрузку.

Обсуждали уже способы обсуждения.

Андрей Кириллович отложил телефон.

— Ну? — спросила жена.

— Проект развивается.

— В какую сторону?

— Пока в разные.

Весной люди снова сажали деревья, нанимали садовников, спорили о качестве асфальта и выпускали детей гулять по дорожкам. Из кухни Андрея Кирилловича был виден молодой клён. Он пережил зиму, хотя осенью садовник говорил, что без дополнительного полива не выживет.

Дерево не спрашивало, кто обязан его поливать.

Оно просто жило.

Андрей Кириллович иногда ловил себя на зависти к этой способности.

К лету посёлок ещё не решил главных вопросов. Но почти все уже научились произносить слова «вводной автомат», «точка присоединения», «разграничение балансовой принадлежности» с уверенностью, которую раньше берегли для собственной профессии.

Всё чаще казалось, что довольно собрать людей, открыть нужный шкаф и договориться — и порядок восстановится.

В июле выяснилось, как много помещается в этом маленьком слове «довольно».

В один из вечеров Андрей Кириллович выключил свет в кабинете и вышел на террасу.

У соседей горели окна. Откуда-то доносилась музыка, потом хлопнула калитка. Его собственный дом тихо гудел исправной автоматикой.

Он подумал, что поселок в сущности очень хорош.

Нужно лишь, чтобы всё это продолжало работать.

Он ещё не знал, что скоро научится прислушиваться к тишине.

Глава 3. Шесть дней

Утром шестнадцатого июля Вера Павловна открыла кран и подождала.

Сначала из него вытекло немного воды. Потом воздух. Потом ничего.

Она повернула другой кран.

Ничего было и там.

Вера Павловна постояла посреди кухни. Два года назад она выбирала смесители с таким вниманием, будто от их формы зависел смысл загородной жизни. Теперь все смесители, дорогие и недорогие, дружно демонстрировали отсутствие общей воды.

Телефон завибрировал.

Управляющая сообщала, что у водозабора возникли проблемы и посёлок отключён от воды. Вскоре соседи начали выяснять, есть ли электричество.

Электричества тоже не стало.

— Ты просила тишины, — сказал муж, заглянув на кухню.

— Я просила, чтобы соседи поменьше шумели газонокосилками.

— Теперь они будут шуметь генераторами.

Он был прав. Через несколько часов посёлок гудел новыми голосами.

В тот день в чате появилось всё сразу: сообщения о приезде Устинова, сведения от людей у распределительного пункта, вопросы о полиции и предложение собраться вечером.

Один сосед написал, что воды нет. Другой спросил про свет. Третий объяснял, что нельзя просто открыть высоковольтное оборудование: оно не станет безопаснее от численного превосходства жителей.

Почти немедленно кто-то вспомнил цену выкупа коммуникаций — тридцать шесть миллионов рублей.

Так арифметика проникла в чужие кухни.

За кофе Вера Павловна попробовала разделить тридцать шесть миллионов на число домов. Она получила сумму, которая ей не нравилась. Потом представила цену собственной скважины, септика, дизель-генератора и новых кабелей. Результат тоже не понравился.

Вечером муж сказал:

— Люди ведь не против платить. Они против платить неизвестно за что.

— А те, кто предлагает купить, думают, что платят за возможность жить спокойно.

— Ты кого поддерживаешь?

— Пока кран.

Он рассмеялся, но рассмеяться от всего сердца не смог.

К вечеру было объявлено, что полиция приехала и желающие могут написать заявления.

Вера Павловна увидела это сообщение, отложила телефон, потом снова взяла его.

Нужно было ехать. В то же время у неё дома оставалась мать, которой было трудно ходить по лестнице. В доме не работал насос, а в подвале уже лежали две пустые канистры.

В обычной жизни она никогда не путала приоритеты.

В этот раз оба варианта казались неправильными.

Она написала соседям, что готова подъехать позже, и начала искать воду.

Муж принёс из гаража походный фонарь, купленный для рыбалки десять лет назад. Он сразу нашёлся, несмотря на то что на рыбалку никто уже не ездил.

— Видишь, — сказал муж, — предусмотрительность окупается.

— Ты купил его в две тысячи восьмом.

— Но именно сейчас он нужен.

Вера Павловна решила не уточнять стоимость одного вечера освещения с учётом десятилетнего срока хранения.

Ночью чат не спал.

Одни соседи рассчитывали долги за электроэнергию. Другие спрашивали, как получить прямой договор. Третьи настаивали на правовой экспертизе имущества перед любой сделкой.

Предложения противоречили друг другу, но исходили из одной и той же потребности: сделать так, чтобы в доме можно было включить чайник и вымыть руки.

Никто не говорил вслух, что уже начал привыкать к чрезвычайному положению.

Семнадцатого июля управляющая разослала перечень участков, на которых можно набрать воды. Это было самое простое и полезное сообщение дня.

Вера Павловна сделала снимок экрана.

Потом переписала номера на бумагу.

На случай, если телефон сядет.

Восемнадцатого июля в чате появилась фотография водопроводного колодца. Участники сообщали о заглушке на трубе и строили планы восстановления. Говорили о полиции, документах и о том, можно ли что-то сделать силами самих жителей.

Обсуждение шло на фоне звука генераторов, настолько постоянного, что некоторые соседи переставали понимать, из какого сада он раздаётся.

Вера Павловна начала различать агрегаты по тембру.

У соседей справа генератор урчал ровно, как довольная собака. Слева — нервно кашлял, будто сомневался в законности собственных действий.

Их домашний генератор, взятый напрокат, оказался особенно честным: о нехватке топлива он сообщал прекращением работы.

Муж старательно записывал время заправок.

— Для чего? — спросила она.

— Чтобы понимать затраты.

— А не лучше записать, сколько мы уже не спим?

— Это сложнее подсчитать.

На четвёртый день у соседей начали заканчиваться терпение и привычная вежливость.

В чате спорили, нужно ли выкупать имущество сейчас, можно ли подождать юридической ясности и как продолжать жить при работающих генераторах.

Вера Павловна понимала каждую сторону и оттого почти не вступала в разговор.

Она знала человека, который был готов внести деньги немедленно. В его доме жили дети, и он просто хотел вернуть нормальную жизнь.

Знала другого, который не верил ни одному обещанию о продаже коммуникаций. Тот боялся заплатить снова за то, что, как он считал, уже было включено в цену участка.

Оба говорили убеждённо. Оба могли предъявить счета и письма.

И обоим хотелось, чтобы утром пошла вода.

Вера Павловна подумала, что иногда люди спорят не потому, что у них разные потребности, а потому, что одинаковая потребность заставляет их бояться разного.

Она собиралась написать это в чат.

Потом решила, что не стоит. Вряд ли подобное сообщение помогло бы заправить генератор.

На пятый день один сосед сообщил о попытке проникновения в дом. В чате появились вопросы об охране, об окнах и о том, как защитить участки во время отключения.

Вера Павловна проверила все замки.

Сначала входную дверь. Потом дверь на террасу. Потом калитку.

За калиткой было совершенно мирно. На дороге стояли машины, знакомая соседка несла в руках баклажку с водой. Мальчик в велосипедном шлеме ехал рядом с ней пешком, потому что одной рукой придерживал сумку.

Вера Павловна открыла калитку.

— Помочь?

— Держи лучше дверь, — сказала соседка.

Они прошли к дому.

Соседка поставила воду на ступеньки, выпрямилась и улыбнулась.

— Представляешь, я приехала сюда за тишиной, а теперь выучила устройство канализации.

— И как?

— Надеюсь, не пригодится на собеседовании.

Они засмеялись.

Двадцать первого июля кто-то написал в общий чат, что посёлок шестой день без света и воды.

Вера Павловна посмотрела на часы. Было утро, и она ещё не успела умыться по-человечески.

Шесть дней — немного, если ждать отпуск.

Шесть дней — бесконечно долго, если на кухне стоит канистра, которую нужно экономить.

Она открыла список соседей с водой. К нескольким фамилиям уже были добавлены пометки: «помогли», «насос от генератора», «можно вечером».

Возле последней строки она поставила вопросительный знак.

И отправилась за водой.

Глава 4. Канистра

Софья Георгиевна раньше думала, что канистра — предмет для мужчин.

Она видела такие в гаражах, на багажниках автомобилей и возле генераторов. Канистры были широкие, серьёзные и не предполагали, что с ними можно войти в гостиную, не испортив интерьер.

Двадцать первого июля две тысячи восемнадцатого у неё в багажнике лежали четыре.

Две десятилитровые, одна пятилитровая и одна с трещиной возле ручки, которую муж зачем-то оставил на память.

Она собиралась за водой.

За водой в посёлке, где продавали участки с центральными коммуникациями.

Муж предложил ехать вместе.

— Ты же говорил, что занят.

— Я освободился.

— Ради воды?

— Ради тебя.

— Тогда бери большую канистру.

Любовь иногда нуждалась в конкретном измерении.

В списке адресов, который выложила управляющая, было несколько номеров участков. У некоторых собственников имелись собственные скважины. Где-то водяной насос работал от генератора, где-то воду можно было набрать, только если заранее договориться.

Софья Георгиевна позвонила по первому номеру.

Никто не ответил.

На втором рабочий сказал, что хозяина нет и он не знает, вправе ли разрешать посторонним набирать воду.

На третьем предложили приехать после обеда.

На четвёртом предупредили, что вода из скважины — удовольствие не бесплатное.

Софья Георгиевна молча положила телефон.

Она не собиралась спорить о стоимости электричества, скважинного насоса или геологических работ. Эти расходы ей были понятны.

Просто до сегодняшнего утра ей не приходило в голову, что соседям придётся отдельно договариваться о стоимости воды для чайника.

— Ну что? — спросил муж.

— Выясняем тарифы.

— За сколько литров?

— Пока за право подъехать.

В чате тем временем появилась резкая реплика управляющей. Она возмущалась тем, что жителю, приехавшему за водой, отказали или ответили невежливо.

Некоторые соседи немедленно написали, что готовы помочь.

«Приезжайте, набирайте».

«У ворот есть розетка».

«Попробуем запустить насос от генератора».

Другие уточняли, какое масло нужно для генератора, и извинялись, что насос заработает не сразу.

Софья Георгиевна читала эти сообщения с неожиданной благодарностью.

Полчаса назад ей казалось, что посёлок окончательно разделился на владельцев скважин и всех остальных.

Теперь выяснилось, что настоящая граница проходит иначе: между теми, кто сейчас может помочь, и теми, кто пока не знает как.

Хотя попадались и третьи.

О третьих старались не думать.

Они остановились у дома с тёмной деревянной оградой. Навстречу вышла хозяйка в резиновых сапогах.

— Проезжайте ближе. Шланг короткий.

Муж Софьи Георгиевны открыл багажник.

— Нам бы литров двадцать.

— Набирайте сколько унесёте.

— Мы потом оплатим электричество.

— Сначала воду возьмите.

Она произнесла это без великодушия, почти по-деловому. Как говорят человеку, который стоит под дождём: «Заходите, у нас есть крыша».

Из шланга пошла вода. Сначала рывком, потом ровно.

Софья Георгиевна придерживала горлышко канистры. Ей захотелось смотреть на прозрачную струю без конца.

— У вас давно скважина? — спросила она.

— С самого строительства. Муж тогда говорил: на всякий случай.

— Хороший случай оказался.

— Да уж. Случай нынче на весь посёлок.

Хозяйка вдруг улыбнулась.

— Передайте вашим, что у нас вода не спрашивает членский билет.

Эта фраза понравилась Софье Георгиевне. Она почти дословно повторила её мужу в машине.

— Надо в чат написать, — сказал он.

— Нет. Обязательно кто-нибудь начнёт выяснять, имеет ли вода право не спрашивать.

По дороге домой их остановил сосед и попросил подвезти одну ёмкость.

В его доме жил пожилой отец, которому было тяжело ходить. Сосед осторожно поставил баклажку между канистрами.

— Вы меня очень выручаете.

— Не за что. Нам по пути.

— А где набирали?

Софья Георгиевна назвала участок.

— Правда разрешают?

— Правда.

— Надо будет поблагодарить.

— Потом. Сейчас отцу воду отвезите.

Никто не записывал, сколько литров перевёз каждый автомобиль. Не создавали рабочую группу по перевозке канистр. Не формировали общее голосование о порядке использования частных скважин.

Машины просто ездили по узким поселковым дорогам.

Если бы кто-нибудь захотел составить протокол, пришлось бы начинать со слов: «Решили не ждать решения».

Дома Софья Георгиевна поставила две канистры на кухню, одну оставила в кладовой, а четвёртую отдала соседке с маленьким ребёнком.

Муж налил воду в кастрюлю.

— Давай вскипятим.

— Вода из своей скважины, она хорошая.

— Я знаю. Но давай вскипятим.

Плита была газовая. На этот раз цивилизация сохранила хотя бы один способ согреть чайник.

Когда вода закипела, Софья Георгиевна разлила чай по чашкам.

Дом вокруг выглядел богатым и немного растерянным. На кухне стоял холодильник, который нельзя было включить, в ванной — большая ванна, которую нельзя было наполнить. Зато на столе стояли четыре чашки горячего чая.

— И всё-таки, — сказал муж, — так долго продолжаться не может.

— Не может, — согласилась она.

Оба не знали, сколько ещё.

Вечером в чате снова возникли разговоры о покупке общей инфраструктуры, судах и задолженностях за электричество.

Софья Георгиевна прочла несколько сообщений и поняла, что устала раньше, чем добралась до третьего абзаца.

Потом увидела просьбу соседки: где можно набрать ещё одну канистру?

Она ответила сразу.

Указала адрес, объяснила, с какой стороны подъехать, предупредила о коротком шланге. Через минуту пришло «Спасибо».

После этого Софья Георгиевна выключила звук на телефоне.

В доме гудел генератор. За окном стемнело. Вода в чайнике была горячей.

На следующий день всё это предстояло повторить.

Она подошла к кухонному окну и увидела на соседней дорожке человека с двумя баклажками.

Тот шёл неторопливо, стараясь не раскачивать груз.

Софья Георгиевна узнала его не сразу. В чате он обычно писал очень уверенно, а здесь был занят тем, что удерживал десять литров воды в каждой руке.

В таком положении трудно кого-либо переубедить.

И она подумала, что, возможно, сама жизнь иногда бережно лишает человека возможности спорить.

Глава 5. Бутылка

Мария Степановна хранила пустые стеклянные бутылки под раковиной.

Муж считал это ненужной привычкой. Пластиковые ёмкости легче, удобнее и не бьются. Мария Степановна отвечала, что хорошее стекло иногда полезно.

До двадцать первого июля она имела в виду домашние заготовки.

Теперь кто-то из соседей предложил набрать в чистую бутылку воду для возможного анализа.

В посёлке говорили о запахе топлива из водопроводного колодца.

Мария Степановна достала бутылку из-под яблочного сока, промыла её ещё раз и поставила на стол.

Надо было понять, что случилось.

Но прежде — что именно можно доказать.

Накануне в чате уже обсуждали заглушку на трубе и работы возле промежуточного колодца. Жители писали, что их отключили от воды. К двадцать первому июля прошло шесть дней с начала кризиса, и обычные неприятности успели приобрести непривычный масштаб.

В этот день появились сообщения о предполагаемом дизельном топливе в водопроводном колодце. Люди тревожились, не попало ли загрязнение в трубы, и требовали немедленной фиксации.

Называли возможного виновника.

В каждом сообщении чувствовался гнев человека, у которого нет воды и который услышал, что теперь вода может оказаться ещё и небезопасной.

Мария Степановна читала чат и всё яснее различала две задачи.

Первая: защитить людей.

Вторая: установить, что именно произошло.

Эти задачи были связаны, но не совпадали.

Она знала по прежней работе: очень легко назвать случившееся преступлением, пока на столе нет ни одного документа, который выдержит проверку.

— Надо вызвать специалистов, — сказала она мужу.

— Уже пишут.

— И отобрать пробу.

— Пишут.

— А кто будет отбирать?

Муж оторвался от телефона.

Они помолчали.

Вот этот вопрос в чате пока не получил ответа.

За окнами стоял жаркий июль.

В другой день Мария Степановна сидела бы на террасе, слушала бы, как поливают газоны, и расстраивалась бы только из-за того, что сосновая хвоя попадает в водосток.

Сейчас полива не было. На дорожке у соседа стояли в ряд пластиковые баклажки. Вдалеке гудел генератор.

К поселковому колодцу приехало несколько человек.

Среди них был Андрей Кириллович. Его знали как человека, который умеет отличить электрический кабель от телефонного не только по цвету оболочки. Он стоял в стороне и рассматривал расположение труб.

— Сказали, там топливо, — произнёс один из соседей.

— Надо проверить, — ответил Андрей Кириллович.

— Да всё же понятно!

— Мне пока непонятно, сколько и куда могло попасть.

— Значит, ты не веришь?

— Я хочу, чтобы мы потом могли объяснить, что нашли.

Собеседник замолчал.

Впервые за день прозвучало возражение, не направленное против кого-либо.

Один из жителей попросил составить акт. Другой предложил вызвать специалистов по охране окружающей среды. Третий начал искать телефон лаборатории.

В сообщениях повторялось имя человека, которого многие считали ответственным за события у водозабора. Но никто из находившихся возле колодца не мог одним взглядом установить состав воды, точное время предполагаемого загрязнения и путь вещества по системе.

Мария Степановна жала в руках пустую бутылку.

— Зачем ты её принесла? — спросил Андрей Кириллович.

— Подумала, пригодится для пробы.

— Если нужен официальный анализ, пробу должны брать по процедуре.

— А если вода уйдёт до приезда?

Он посмотрел на неё.

— Вот поэтому надо сначала зафиксировать, что видим. И не путать увиденное с выводом.

Мария Степановна кивнула.

Она принесла бутылку как простое решение сложной задачи. Оказалось, что сложная задача сопротивляется.

Впрочем, пустая бутылка всё равно была полезна.

В неё можно было налить питьевую воду для тех, кто работал возле траншеи.

Пока ждали дальнейших известий, муж Марии Степановны позвонил из дома.

— Ты долго?

— Ещё немного.

— У нас кончилась вода в кухонной канистре.

— В кладовой есть ещё две.

— И та, что ты собиралась отвезти соседке?

— Нет, ту не трогай.

— А бутылки твои?

— Одну взяла.

— Наконец-то пригодились.

Мария Степановна улыбнулась.

Даже он умел находить хорошее в происходящем, хотя считал происходящее ужасным.

Ближе к вечеру стало ясно, что одного осмотра недостаточно. Нужно промывать систему, проверять отдельные участки и, возможно, прокладывать новую трубу.

В чате уже писали о том, что придётся работать своими силами.

Возник вопрос: кто готов приехать?

Мария Степановна посмотрела на людей у колодца.

Они не были одной командой. Кто-то поддерживал переговоры о выкупе имущества, кто-то считал такой выкуп несправедливым, кто-то ещё не определился и лишь хотел воды.

Их объединяли жара, раскопанная земля и необходимость принять решение до вечера.

— Я могу привезти еду, — сказала она.

— Хорошо бы воды, — ответили ей.

Это был настолько очевидный ответ, что все рассмеялись.

Успокоило ли это кого-нибудь?

Немного.

Но лучше пока ничего не получалось.

Когда Мария Степановна вернулась домой, телефон снова был полон сообщений. Требовали наказать виновного, писали о юридических последствиях, спорили, в какие ведомства обратиться.

Она не считала эти споры пустыми.

Если кто-то действительно повредил водоснабжение или загрязнил систему, нужны были документы, расследование и ответственность.

Только документы ещё предстояло получить, а воду людям нужно было вернуть сейчас.

Она помыла бутылку, поставила её на сушилку и налила себе чай из канистры.

Стекло тихо звякнуло о соседнюю чашку.

Снаружи слышались голоса.

Соседи обсуждали, где взять трубу.

Мария Степановна посмотрела на бутылку.

Ещё утром ей казалось, что главное — сохранить в ней свидетельство беды.

Теперь она поняла, что самое важное, возможно, будет видно не в бутылке, а в том, что жители сумеют сделать завтра.

Она взяла телефон и написала в чат:

«Кто работает утром, напишите, что привезти».

Слово «виновный» в её сообщении не встречалось.

Глава 6. Новая труба

Труба была чёрная, толстая и лежала на земле.

В отличие от остальных участников событий, она никому ничего не обещала.

Андрей Кириллович провёл ладонью по её поверхности и посмотрел на разрытую траншею.

В посёлке, где многие дома стоили столько, сколько несколько таких траншей вместе со всеми трубами, теперь решалось, появится ли к вечеру вода.

На кухнях были дорогие смесители. В гаражах — машины с кожаными сиденьями. На газонах — автоматический полив, который прежде работал так незаметно, что о нём вспоминали только при составлении счетов за благоустройство.

Полив отключился первым.

Потом оказалось, что люди согласны некоторое время не поливать газоны.

Мыть посуду — уже труднее.

Двадцать первого июля посёлок жил без нормального электричества и воды шестой день.

Обходились генераторами, ездили за соляжкой, искали временные решения. Кто-то имел собственную скважину. Кто-то — запас воды. А кто-то впервые задумался о том, что слово «независимость» в загородной жизни означает не только собственный забор.

В чате спрашивали, кому ещё нужна вода.

Одна из соседок поехала с канистрами по участкам. На одном ей объяснили, что воду тоже приходится оплачивать. У других нашлись и вода, и шланг, и готовность помочь.

Марина Николаевна, женщина, которая привыкла говорить спокойно даже с людьми, говорившими с ней громко, отправила короткое сообщение с благодарностью соседям.

У неё не было желания спорить об экономике частных скважин.

Ей хотелось наполнить ёмкости.

И вернуться домой.

В это время у водопроводного узла собралась небольшая группа жителей и работников.

Одни принесли инструменты. Другие помогали с доставкой материалов. Третьи приезжали ненадолго, чтобы спросить, нужно ли что-нибудь ещё.

Нужно было многое.

Прежде всего, не мешать.

Это оказалось довольно трудной просьбой.

— А кто разрешил? — спросил подошедший сосед.

— Что именно?

— Проводить работы.

Андрей Кириллович показал на траншею.

— Пока нам никто не разрешил оставаться без воды.

Сосед не был глупым. Его действительно тревожили правовые последствия ремонта на территории со спорным режимом доступа.

— Если потом предъявят иск, кто будет отвечать?

— Надеюсь, кто-нибудь, у кого есть вода, — сказал Андрей Кириллович.

Оба понимали, что шутка не заменяет ответа.

Но в тот момент ответ всё равно не мог заменить сварку.

Ближе к вечеру обнаружилось то, чего все опасались: в водопроводном колодце, по сообщениям участников, были следы вещества с запахом солярки.

В чате распространили фотографию бутылки. Некоторые жители сразу возложили ответственность на Устинова. Другие просили всё зафиксировать, вызвать специалистов и получить анализ воды.

Андрей Кириллович не мог определить виновного по фотографии.

Он мог определить другое: старым участком трубопровода пользоваться сейчас нельзя.

Рядом спорили о том, что нужно сделать первым — документировать повреждение или завершить ремонт.

Кто-то предлагал обратиться в экологическую полицию.

Кто-то — найти лабораторию.

Кто-то — привлечь телевидение.

А один из жителей спросил, не принести ли людям, которые копают, бутербродов.

Предложение было встречено с неожиданным единодушием.

Правда, только теми, кто находился рядом с траншеей.

Остальные продолжали спорить.

Ночью разговоры не закончились.

В чате обсуждали полицию, право собственности, усталость рабочих, возможные претензии, технику безопасности и судьбу посёлка в целом.

Труба тем временем лежала на земле.

У неё была редкая способность не разделять людей по политическим и хозяйственным взглядам.

Через неё должна была пойти вода к домам и тех, кто поддерживал выкуп существующей инфраструктуры, и тех, кто считал такой выкуп несправедливым.

Сами трубы юридических предпочтений не имели.

Возможно, именно поэтому с ними было легче работать.

На следующий день выяснилось, что для завершения сварочных работ нужно перекрыть подачу воды из частных скважин в общую сеть.

— Просьба всем, кто подключал свои скважины, закрыть задвижки! — написали в чате.

Эта просьба предполагала, что люди находятся дома, знают, где их задвижки, читают сообщения и готовы немедленно сделать то, что нужно другим.

Часть предположений подтвердилась.

Остальные пришлось проверять по телефону.

Андрей Кириллович стоял возле траншеи и слушал, как сварщик объясняет, что вода снова поступает в систему и работать нельзя.

— А если подождать? — спросил кто-то.

— Мы только этим шестой день и занимаемся, — ответил один из соседей.

Во второй половине дня двадцать второго июля в чате появилось сообщение: воду начали давать.

Попросили спустить первую воду, проверить краны, дать системе наполниться.

Андрей Кириллович отошёл от траншеи, вытер руки и достал телефон.

Сообщения посыпались быстро.

«Спасибо!»

«А свет?»

«У нас ещё нет».

«Электрики идут по домам».

Одновременно возле въезда продолжались переговоры о будущем поселковой инфраструктуры. Часть соседей надеялась договориться о покупке оборудования. Другие считали, что после уже пережитого платить за прежнюю собственность нельзя.

Ни один из споров к вечеру не завершился.

Зато вода пошла.

И некоторое время это было важнее.

Марина Николаевна вернулась домой с пустыми канистрами.

Ей не хотелось больше ездить за водой. Она поставила их в кладовку, вымыла руки и открыла кран.

Вода потекла не сразу.

Сначала труба кашлянула воздухом.

Потом появилась мутноватая струйка.

Марина дала воде стечь, как просили ремонтники, и ещё раз открыла кран.

Теперь текло ровно.

Она позвонила мужу.

— У нас есть вода.

— Отлично. А свет?

— С ним ещё разбираются.

— Понятно.

Он помолчал.

— Ты людям спасибо сказала?

— Сказала.

— Хорошо.

В этот день они не обсуждали, какое товарищество имеет право обслуживать водопровод.

На следующий день — обсуждали.

Пётр Ильич обнаружил, что обладает редким преимуществом перед большинством участников общего чата.

У него был большой перфоратор.

Техника дорогая, тяжёлая, купленная для ремонта и с тех пор ожидавшая своего настоящего назначения. Дома перфоратор стоял в гараже и занимал место, на которое жена давно собиралась поставить велосипед.

Пётр Ильич относился к нему с уважением.

— Зачем нам такая машина? — спрашивала жена.

— Хозяйство большое.

— Ты ею хоть раз пользовался?

— Пользовался.

— Когда?

— Не помню.

— Значит, не пользовался.

Он не спорил.

У жены имелась неприятная способность отличать его уверенность в собственных словах от подтверждающих документов.

Теперь в посёлке опять требовались инструменты.

В чате люди обсуждали, как работать возле повреждённой линии и кому удастся приехать.

Пётр Ильич написал, что при необходимости может предоставить большой перфоратор.

Ответа сразу не последовало.

Он прочитал сообщение ещё раз.

В других разговорах, занимавших участников группы, число ответов уже перевалило за несколько десятков.

Там выясняли, кто виноват в отключении и какие меры следует предпринять.

Перфоратором никто не заинтересовался.

Пётр Ильич подошёл к жене.

— Слушай, у нас люди опять спорят.

— О чём?

— Обо всём.

— А ты?

— Предложил инструмент.

— Нужен?

— Пока молчат.

Она посмотрела на него.

— Может, у них сейчас другая работа?

Он задумался.

Действительно.

Большой перфоратор был хорошим решением только той проблемы, для которой требовался большой перфоратор.

Нельзя было победить им любую неисправность.

Эта мысль слегка расстроила Петра Ильича.

Ему очень нравились задачи, при решении которых можно было взять инструмент и начать работать.

Позднее он приехал к месту работ.

Люди стояли возле траншеи.

Один разговаривал по телефону. Другой показывал что-то на схеме. Третий, уже испачкав руки, пытался объяснить, почему их первоначальный план не годится.

Пётр Ильич остановился.

— Помочь?

Ему ответили, что сейчас требуется другая техника.

Он кивнул.

Обижаться было не на что.

Но и уходить не хотелось.

— Что тогда нужно?

Ему назвали несколько вещей.

Он записал.

Потом позвонил знакомому.

Через некоторое время выяснилось, что одну из вещей можно достать без особых сложностей.

Пётр Ильич снова открыл телефон.

В чате по-прежнему спорили о причинах аварии.

Он написал короткое сообщение о том, что удалось узнать.

И отправился дальше.

Впоследствии ему много раз предстояло обнаруживать одно и то же: инструмент, который ты приготовил, далеко не всегда нужен. А вот человек, готовый заняться чужой проблемой, оказывается востребован почти постоянно.

К вечеру Андрей Кириллович увидел, как рабочие засыпают новый участок трубы.

Сварной шов исчезал под землёй.

Через несколько дней по дорожке снова можно будет ходить. Ещё через месяц никто не вспомнит, где именно её разрывали.

Он подумал о людях, помогавших ремонтировать водопровод. Одни уже успели поссориться из-за денег. Другие никогда не были особенно дружны. Третьи приехали потому, что у них дома маленькие дети и воду больше ждать нельзя.

Никакого единого мотива не существовало.

Но существовала новая труба.

Когда землю окончательно разровняли, Андрей Кириллович посмотрел на почти незаметную полосу свежего грунта.

В чате кто-то опять написал, что посёлок никогда ни о чём не договорится.

Он хотел возразить.

Потом посмотрел на шов, которого больше не было видно, и убрал телефон.

Возражение уже лежало под землёй.

Часть

II

. Два месяца без света

Глава 7. Не засоряйте чат

Ольга Сергеевна знала, где в посёлке перекрывается вода.

Этого знания оказалось недостаточно.

Пришлось узнать, кто владеет участком, на котором стоит водозаборный узел, у кого ключ от ворот, какой электрик готов приехать в воскресенье, кто не отвечает на звонки после шести вечера и сколько воды помещается в канистру, если человек уже третий раз за день обещает, что приедет только с одной.

Потом понадобились телефоны полиции, прокуратуры, аварийных служб и трёх телевизионных редакций.

Ольга Сергеевна была управляющей Петровского парка.

На бумаге её работа выглядела вполне определённо: обслуживать территорию, обеспечивать выполнение заявок, организовывать работу подрядчиков.

Летом две тысячи восемнадцатого выяснилось, что к обязанностям управляющей следует добавить ещё несколько.

Например, искать виновных, не назначая их виновными. Успокаивать людей, не имея хороших новостей. И отвечать в чате на вопрос «Когда дадут воду?» раньше, чем там появится сообщение «Куда вы все пропали?».

В Петровском парке жили люди, которым редко приходилось самим разбираться с устройством собственных домов.

Это были хорошие дома. С дорогими котлами, автоматикой, охранными системами, фильтрами и красивыми кранами. Краны особенно отличались: некоторые стояли как вполне приличный водопроводный колодец.

В июле в нескольких таких домах из кранов ничего не текло.

Эффект был убедительный.

Посёлок уже несколько дней обходился без нормального электроснабжения и воды. Генераторы гудели у домов, в холодильниках портились продукты, люди ездили за топливом. Соседи со скважинами внезапно приобрели особое значение для общественной жизни.

Один из жителей попросил воды. Ему посоветовали обратиться на несколько участков.

На одном объяснили, что вода не бесплатная. На другом работник встретил просьбу без особого гостеприимства.

Ольга Сергеевна прочла сообщения и возмутилась.

Она могла понять стоимость скважины, насоса и электричества. Она сама знала эти цифры лучше многих. Но ей было трудно объяснить человеку с пустыми ёмкостями, почему соседи, ещё вчера обсуждавшие взаимовыручку, теперь составляют устный прейскурант.

В чате нашёлся другой адрес.

— Приезжайте к нам. Наберём, — написала соседка.

Потом ещё одна.

Потом кто-то предложил шланг.

Так происходило почти всегда. Сначала выяснялось, что у людей разные представления о справедливости. Затем кто-нибудь просто открывал ворота.

Ольга Сергеевна записала, куда отправили машину с канистрами.

За день список менялся несколько раз.

Тем временем у водозаборного узла шли работы.

Управляющая получала оттуда сообщения, а из чата — советы, иногда несовместимые друг с другом.

Нужно немедленно вызвать полицию.

Нужно ничего не трогать до приезда полиции.

Нужно срочно чинить.

Нужно сначала составить акт.

Нужно найти понятых.

Нужно не пускать посторонних.

Нужно пригласить телевидение.

И обязательно выяснить, кто разрешил всё это делать.

Последний вопрос повторялся особенно часто.

Ольга Сергеевна смотрела на телефон и думала, что в обычной управляющей компании решение о ремонте трубы не принято считать конституционным кризисом.

Но у них была не обычная компания.

У них был посёлок, где общая труба проходила по земле, правовой статус которой оспаривали, а рядом стояли люди, давно утратившие доверие друг к другу.

Двадцать первого июля участники работ сообщили в чате о следах солярки в водопроводном колодце. Один из них выложил фотографию бутылки. Появились обвинения в адрес Устинова, которого жители считали ответственным за отключения и повреждение трубы.

Другие соседи требовали всё зафиксировать и вызвать специалистов для анализа воды: бутылка и запах ещё не отвечали на вопрос, кто именно и что сделал.

Это была разумная мысль.

К сожалению, разумные мысли не всегда возвращают воду к ужину.

Рабочие продолжали прокладывать новый участок трубы.

А чат продолжал расследование.

На следующий день возникла новая трудность.

Вода от частных скважин попадала в общую систему, а людям нужно было закончить сварочные работы.

— Перекройте задвижки, у кого свои скважины! — просили организаторы ремонта.

Почти сразу возникли вопросы.

Какие задвижки?

Где они находятся?

Кого попросить, если хозяева в Москве?

Кто может зайти на участок?

Когда снова откроют?

Ольга Сергеевна перестала считать звонки.

У каждого дома был свой номер, у каждого номера — обстоятельства, у обстоятельств — объяснения. Некоторым требовалась вода немедленно. Другие готовы были подождать, но хотели точно знать сколько. Третьи спрашивали, почему всё опять зависит от нескольких человек с инструментами.

Справедливости ради, этих людей с инструментами тоже интересовал данный вопрос.

Ко второй половине дня двадцать второго июля по чату прошла долгожданная новость: вода начали подавать.

Попросили сначала спустить её, проверить краны, дать системе наполниться.

Вскоре появилось короткое сообщение:

«Спасибо».

Потом ещё одно.

В загородном посёлке, где одни жители управляли компаниями, другие судились по сложным имущественным делам, а третьи обсуждали инвестиции, слово «спасибо» оказалось самым эффективным итоговым документом.

Электричество в тот день тоже возвращали — не всем одновременно. Ещё требовалось пройти по домам и проверить подключения.

Кто-то требовал электрика немедленно. Кто-то шутил. Кто-то предлагал оставить спор до завтра.

Ольга Сергеевна надеялась, что завтра хотя бы несколько часов телефон будет звонить по обычным причинам.

Например, из-за мусора.

Август дал посёлку короткое подобие передышки.

Дома снова загорелись вечером. Из кранов шла вода. Жители успели вернуться к обсуждению договоров, взносов, общих собраний и будущего имущества.

Ольга Сергеевна смотрела на это без удивления.

Благополучие загородного посёлка обладало одной неприятной особенностью: стоило включить свет, как люди начинали спорить, почему это было сделано неправильно.

Тридцатого августа поступило новое сообщение об отключении электричества.

По словам участников переписки, после приезда прежнего владельца инфраструктуры возникла проблема с трансформатором. Обсуждали повреждение изоляторов. Жители вызвали полицию и искали электрика, допущенного к работе с высоковольтным оборудованием.

Кто-то предложил просто включить питание.

Другие объясняли, почему этого делать нельзя без осмотра.

— Вода есть? — спросили в чате.

— Есть, — ответили.

Ольга Сергеевна не знала, сколько продлится это утешительное обстоятельство.

Шестого сентября тревога оправдалась.

Она приехала к распределительному пункту и сообщила, что на территорию её не пускают.

За ограждением шли работы. По переписке жители слышали, что внутри что-то пилят. Затем появились сообщения, что из трансформатора слито масло.

Участники чата начали съезжаться. Кто-то вызывал полицию. Кто-то спрашивал, чем помочь. Кто-то требовал документально зафиксировать повреждение и сохранить видеозаписи.

Ей писали:

— Вы там одна?

Потом:

— Мы едем.

Потом:

— Полицию вызвали.

Когда она оглянулась, у ограждения уже стояло несколько соседей.

Ситуация от этого не стала безопасной или юридически ясной. Но изменилась одна существенная вещь.

Теперь она была не одна.

Дальнейшие дни в памяти Ольги Сергеевны перемешались.

Звонки.

Дизельное топливо.

Обращения в полицию.

Споры о том, кому принадлежат сети.

Разговоры с ремонтниками.

Вопросы о прямых договорах.

Сообщения о том, сколько ещё продержится интернет без электричества.

Она не считала происходящее одинаково понятным для всех. Люди спорили не только из-за своих характеров. Одни боялись снова платить за имущество, которое считали уже оплаченным. Другие боялись оставить семьи ещё на месяц без надёжных коммуникаций. Третьи пытались сохранить возможность прямых договоров и не совершить шаг, который потом оспорят в суде.

Ольга Сергеевна сочувствовала каждому по отдельности.

Вместе они действовали ей на нервы.

— Почему бы вам не заняться главным вопросом? — спрашивали её.

Управляющая давно заметила, что главным назывался обычно тот вопрос, который задавал собеседник.

Потом в посёлке появились журналисты.

Идея обратиться к телевизионщикам не была новой. Жители хотели вынести конфликт за пределы общего чата. В начале сентября уже появился сюжет РЕН ТВ; затем удалось заинтересовать другие редакции.

Седьмого сентября Ольга Сергеевна просила жителей обязательно прийти в воскресенье: ждали съёмочную группу Первого канала.

Девятого она снова занималась приездом телевидения.

Десятого организовывала ещё одну съёмку, для РЕН ТВ.

— Они хотят гул генераторов. Когда реально собрать хотя бы десять человек? — спрашивала она.

Кто-то обещал приехать к вечеру.

Кто-то предложил показать испорченные холодильники.

Кто-то — сломанную стиральную машину.

Кто-то сказал, что лучший фон — дом, возле которого генератор гудит так, словно в нём постоянно репетирует небольшой аэродром.

А потом чат увлёкся обсуждением будущего художественного фильма о посёлке.

Предлагали ужас, приключения и даже международную кинокомпанию.

Ольга Сергеевна написала:

— Не засоряйте чат. Мне СМИ надо ответить по времени.

Это прозвучало почти как возвращение к первоначальному предназначению группы.

Хотя когда-то группу действительно просили создать без флуда, никому ещё не удавалось добиться этого надолго.

— Подойти в чате или в натуре? — спросил кто-то из соседей.

— Лично, — ответила она.

При всех своих недостатках чат пока не умел заменить массовку для телевизионного сюжета.

Ольга Сергеевна попросила принести фонарики и свечи.

Она хотела, чтобы журналисты увидели настоящее положение вещей: дома без надёжного электроснабжения, работающие генераторы, усталых людей, вынужденных сами придумывать, как жить дальше.

Ей возражали, что показывать свечи слишком театрально.

Но от многодневного отсутствия света в домах не становилось менее темно только потому, что в кадре появлялась свеча.

Другой вопрос, что телевидение любило выразительные детали.

Чат любил их ещё сильнее.

Ольга Сергеевна считала свою задачу более скромной: обеспечить журналистам возможность поговорить с живыми людьми, желательно так, чтобы они не переругались до включения камеры.

Десятого сентября она попросила всех прийти к шести вечера.

На этот раз откликались по существу.

«Буду».

«Я могу».

«К 18:00».

«От нашего участка будут».

Она прочла ответы и впервые за день улыбнулась.

Жители умели объединяться.

Вопрос заключался лишь в том, надолго ли.

Одиннадцатого сентября поздно вечером в чате попросили включить «Россию 1».

Шёл репортаж о Петровском парке.

Люди, которые до этого несколько дней выясняли, можно ли покупать чужой трансформатор и сколько стоят изоляторы, смотрели телевизор на телефонах и делились ссылками с теми, у кого телевизоры по-прежнему не работали.

В группе появились поздравления.

Благодарили организаторов сюжета, соседей, согласившихся говорить на камеру, и тех, кто предоставил материалы.

На несколько минут в общем чате не было двух товариществ и двух противоположных способов спасения посёлка.

Был один репортаж.

И жители, которые наконец слышали рассказ о себе не только друг от друга.

— Вместе мы сила, — написал кто-то.

Ольга Сергеевна поблагодарила людей, нашедших время и выдержку выступить перед журналистами.

Ей хотелось верить, что теперь проблему заметят и те, кто до этого отвечал формальными письмами.

Но она знала и другую сторону работы.

На следующее утро кто-нибудь обязательно спросит, у кого в доме не хватает напора воды, почему не открывается шлабгаум или куда опять исчез интернет.

А о выкупе имущества спорить не перестанут.

Поздним вечером Ольга Сергеевна положила телефон на зарядку.

За окном работал генератор.

Она успела прочесть несколько благодарностей, прежде чем в чате возник очередной вопрос о полномочиях правления.

Телефон снова завибрировал.

Она посмотрела на экран.

В другом конце посёлка кто-то сообщил о неисправности, требовавшей электрика.

Ольга Сергеевна открыла список контактов.

Спасти общественные отношения в Петровском парке она не могла.

А электрику — могла позвонить.

И позвонила.

Глава 8. Недожаренная курица

Курица была почти готова.

Во всяком случае, так считала Марина, которая утром поставила её в духовку и теперь рассчитывала накормить семью. Курица весила два килограмма триста граммов, была натёрта чесноком, солью и какими-то травами, название которых Марина забыла сразу после покупки.

Вокруг лежала картошка.

Картошка тоже имела определённые планы на будущее.

В какой-то момент погас свет.

Сначала Марина этого не заметила. Она резала огурцы и думала о том, что сын опять не убрал велосипед с дорожки.

Потом стало тихо.

Перестала гудеть вытяжка. Замолчал холодильник. Исчезли цифры с духовки.

— Ну вот, — сказала Марина.

Это было довольно сдержанное высказывание для человека, у которого обед только что перестал существовать.

Муж заглянул на кухню.

— Что случилось?

— Электричество отключили.

— Надолго?

— Сейчас у них спрошу.

Она открыла соседский чат.

Там уже спрашивали. Причём гораздо энергичнее.

Через несколько минут выяснилось, что электричества нет не только у Марины. Его не было у соседей справа, слева, напротив и, по предварительным сведениям, вообще ни у кого.

Это несколько утешало. Человеку легче переносить неприятности, когда они распределены справедливо.

Потом выяснилось, что причина может быть связана с трансформатором.

В чате появились специалисты. Некоторые действительно разбирались в электричестве. Другие разбирались в людях, которые разбирались в электричестве. Третьи знали, кто во всём виноват.

Последних было больше всего.

В соседнем доме запустили генератор. Тот сначала кашлянул, потом взревел и принялся с таким усердием производить электричество, словно хотел обеспечить им всю Московскую область.

— Может, и нам купить? — спросила Марина.

— Генератор?

— Нет, трансформатор. Генератор, конечно.

Муж задумался. Он любил обстоятельные решения. В обычной жизни это было достоинством. В чрезвычайных обстоятельствах — причиной семейных разногласий.

— Надо сначала понять, что произошло.

— С курицей?

— С электричеством.

— С курицей я уже поняла.

Он посмотрел на духовку.

— Может, ещё дойдёт на остаточном тепле.

Это была первая техническая гипотеза дня. Она не подтвердилась.

К вечеру Марина окончательно потеряла надежду на обед.

Она вынула противень из остывшей духовки. Курица была бледной, картошка — твёрдой. Всё это пахло чесноком и несбывшимися ожиданиями.

Марина переложила курицу в контейнер и поставила в холодильник.

Холодильник тоже не работал.

Впрочем, его дверца ещё сохраняла некоторую прохладу. Марина решила, что до вечера этого хватит.

В течение дня муж несколько раз заходил на кухню.

— Ну что, дали?

— Нет.

— А в чате что пишут?

— Много чего.

К вечеру он сообщил, что обсуждаются сразу три способа восстановить электроснабжение.

— Это хорошо, — сказала Марина. — А когда?

Муж посмотрел в телефон.

— Пока неясно.

— Тогда скажи им, что у нас четвёртый способ. Развести костёр и приготовить курицу.

— Ты серьёзно?

— Уже нет.

Поздно вечером Марина открыла холодильник. Курица лежала в контейнере. Теперь она была не только недожаренной, но и сомнительной с точки зрения дальнейшего употребления.

— Может, завтра доготовим? — предложил муж.

— Завтра купим новую.

— Жалко выбрасывать.

— Мне тоже. Особенно этот день.

Она закрыла холодильник.

За день жители успели обсудить ремонт трансформатора, покупку нового, временное подключение, сбор денег и юридические последствия каждого решения. Некоторые поссорились. Некоторые договорились. Некоторые договорились поссориться позже.

Электричество не появилось.

На следующее утро Марина выбросила курицу.

Это оказалось единственным окончательным решением, которое её семья смогла принять за последние сутки.

Генератор — замечательное устройство. Он позволяет человеку на некоторое время почувствовать себя независимым от цивилизации. Потом заканчивается бензин, и цивилизация берёт реванш.

В сентябре две тысячи восемнадцатого года Петровский парк изучил этот принцип на практике.

В домах загудели генераторы. Одни стояли во дворах, другие — под навесами. Их запускали, останавливали, заправляли, ремонтировали и обсуждали с той обстоятельностью, с какой прежде обсуждали сорта яблонь.

Выяснилось, что электричество — не столько удобство, сколько условие, при котором человек способен думать о чём-нибудь другом.

Без него дом начинает предъявлять хозяину требования. Холодильник просит пощады. Насос отказывается качать воду. Отопление напоминает, что современная автономность

сильно зависит от розетки. Телефон садится как раз тогда, когда в чате появляется важное сообщение.

Люди делились на тех, у кого генератор был, и тех, кто собирался его купить. Первые объясняли вторым, что покупка генератора не решает проблему. Вторые соглашались и всё равно ехали покупать.

У кого-то хватало мощности на свет и холодильник. У кого-то — на почти привычную жизнь. Но никому не хватало мощности на спокойствие.

Седьмого сентября в чате искали временный выход. Обсуждали возможность подключиться через соседний посёлок Александрово. Кто-то спросил, нельзя ли договориться по соседски, почти по-братски.

Ответ был коротким: не хотят.

Впоследствии выяснится, что слово «временно» в загородной жизни обладает исключительной продолжительностью. Временные провода, временные соглашения, временные решения — всё это имеет обыкновение переживать людей, которые их придумали.

Пока же жители считали дни и деньги.

Параллельно шёл разговор о будущем инфраструктуры. Предлагали купить существующее оборудование, договариваться о выкупе имущества, построить собственную линию электропередачи. Каждый вариант требовал средств, документов и доверия. Последнего не хватало сильнее всего.

Сторонники срочной покупки говорили: людям нужен свет, а не очередная экспертиза. Противники торопливого решения отвечали: если заплатить не разобравшись, зависимость никуда не исчезнет, просто станет дороже.

Было и ещё одно обстоятельство. Вопрос о выкупе коммуникаций за тридцать шесть миллионов возник не в сентябре. Его обсуждали уже весной и летом. Тогда он казался имущественным и юридическим. Теперь, когда в домах не было электричества, он превратился в вопрос о том, сколько ещё можно ждать.

Разница между принципиальной позицией и упрямством обычно очевидна человеку, который её занимает. Остальным приходится догадываться.

Восемнадцатого сентября в переписке стали собирать голоса в поддержку одного из технических решений. Жители называли номера участков и ставили короткие «за». Один из участников поинтересовался, зачем нужен этот опрос. Ему ответили: понять количество сторонников.

Ответ был честный. Но в посёлке давно научились различать количество голосов и возможность что-нибудь сделать.

Одно дело — написать «за» в телефоне. Другое — перечислить деньги. Третье — подписать документы. Четвёртое — отвечать перед соседями, если обещанный результат не наступит.

Один из участников напомнил, что две независимые схемы технического присоединения одновременно невозможны. Иными словами, можно сколько угодно обсуждать два пути к счастью, но кабель всё равно придётся выбрать один.

Это замечание было инженерным. В чате его, как и многие инженерные замечания, могли принять за политическое.

Люди спорили, как считать взносы, кто должен платить, что делать с отказавшимися, какова реальная цена каждого решения. В такие минуты любой человек, умеющий быстро умножать и делить, становился подозрительно влиятельным.

Суммы появлялись и исчезали. Предварительные расчёты уточнялись. Обещанные сроки зависели от подрядчиков, технических условий и документов, которые ещё предстояло получить.

Ни одна из сторон не обладала монополией на тревогу. Одни боялись остаться без света. Другие — заплатить за имущество и всё равно остаться зависимыми. Третьи — доверить большие деньги людям, с которыми уже не могли договориться даже о порядке обсуждения.

Двадцать шестого сентября, на двадцатый день отключения, в чате уже шутили о юбилее. Электричества по-прежнему не было. К тому времени жители спрашивали не столько, когда его дадут, сколько что делать дальше.

Это разные вопросы.

Первый предполагает, что существует кто-то, кому известен ответ. Второй означает, что отвечать придётся самим.

Между серьёзными сообщениями появлялись бытовые. Кто-то искал собаку. Кто-то уточнял, куда подъехать. Кто-то благодарил за помощь.

Собака, в отличие от электроснабжения, не имела юридической схемы подключения. Её просто нужно было найти.

И жители искали.

Это было странное сообщество. Люди могли часами спорить о праве собственности, подозревать друг друга в корысти и одновременно совершенно искренне помогать соседу, попавшему в беду.

Постороннему человеку трудно было бы объяснить, как всё это совмещается.

Но человек вообще редко бывает последовательным. Особенно когда устал, замёрз и уже третий раз за день заправляет генератор.

К концу сентября в посёлке привыкли к постоянному шуму. Его уже почти не замечали. И только когда кто-нибудь выключал двигатель, наступала такая тишина, что хотелось немедленно включить его снова — на всякий случай.

Собрание уже состоялось — двадцать третьего сентября. Жители проголосовали против выкупа существующей инфраструктуры за тридцать шесть миллионов рублей. Это был вполне определённый результат голосования, но он не включал электричество. Что делать дальше, всё ещё предстояло решить.

К двадцать девятому сентября Ольга Сергеевна отмечала двадцать третий день без света. В начале октября люди продолжали заправлять генераторы и переписываться о том, какой выход обойдётся дороже. К шестому октября прошёл уже месяц, и конца не было видно.

Марина давно перестала спрашивать, когда дадут свет. Она знала только одно: курицу, которую не удалось приготовить в первый день, никакое решение собрания не вернёт.

Обед первого дня остался недоеденным.

А тёмные дни продолжали прибавляться.

Глава 9. В рамочку

Андрей Кириллович положил на стол сломанную камеру наблюдения.

С виду она не отличалась от множества других технических предметов, которые появляются в загородном доме незаметно и требуют внимания только тогда, когда перестают работать.

Камера была небольшой, белой, с потёртым корпусом. Андрей Кириллович купил её ради безопасности.

Теперь она лежала перед ним как свидетель.

Не лучший свидетель, надо сказать. Ей требовалось электричество, она не умела отвечать на вопросы и вряд ли могла бы явиться в суд самостоятельно.

Зато она записывала.

А в Петровском парке осенью две тысячи восемнадцатого способность молча записывать происходящее стала редким и весьма уважаемым достоинством.

Сначала в посёлке пропал свет.

Вернее, правильное было бы сказать, что он снова пропал.

В июле жители уже несколько дней обходились без нормального электроснабжения и воды. Тогда сами прокладывали повреждённый участок трубы, дежурили у оборудования, помогали соседям со скважинами и генераторами. Воду вернули. Свет — тоже.

После этого люди немного отдохнули.

Они говорили себе, что второй раз такой истории быть не может.

Это было не техническое заключение, а пожелание.

Тридцатого августа появились новые сообщения о трансформаторе. Участники переписки утверждали, что после приезда прежнего собственника инфраструктуры были повреждены изоляторы.

Шестого сентября возникла новая аварийная ситуация. В чате писали, что Устинов находится на территории распределительного пункта. Управляющая сообщала, что не может пройти внутрь. Позже жители распространили видеозаписи и сообщения о сливе масла из трансформатора.

Часть соседей требовала немедленно всё зафиксировать.

Другие требовали немедленно вернуть электричество.

Третьи интересовались, что именно они должны будут потом выкупить, если всё это сначала окончательно выйдет из строя.

Андрей Кириллович понимал каждую сторону вопроса.

Особенно третью.

По профессии Андрей Кириллович занимался техникой и привык, что неисправность следует сначала обнаружить, а потом устранять.

В Петровском парке этот порядок однажды признали подозрительно медленным.

— Пока будем устанавливать обстоятельства, зима наступит, — говорили соседи.

— А если сейчас полезем ремонтировать, кто будет отвечать? — спрашивали другие.

— Тот, кто не починил вовремя, — отвечали первые.

— Нет, тот, кто починил без разрешения, — возражали вторые.

Получалось, что для ремонта требовалось согласие людей, которые не могли договориться, нужен ли ремонт вообще.

Андрей Кириллович перестал удивляться. Загородная жизнь научила его тому, что наиболее сложные задачи возникают на пересечении физики и права.

Напряжение можно измерить прибором.

Полномочия — нет.

На фотографиях и видеозаписях из распределительного пункта жители пытались разглядеть всё, что могло пригодиться позже: кто приехал, кто стоял рядом, что делали с оборудованием, когда появились люди охраны.

Важные события происходили не в том порядке, в каком их удобно рассказывать.

Кто-то первым увидел машину.

Кто-то — работников.

Кто-то сообщил, что слышен звук инструмента.

Потом кто-то уже был уверен, что видел весь процесс с начала до конца.

Андрей Кириллович знал цену такой уверенности.

Камера хотя бы не пыталась дополнить то, чего не сняла.

Когда её повредили, он снял корпус, осмотрел крепления и стал проверять, сохранилась ли запись.

Запись оказалась важнее самой камеры.

Сломанную вещь можно заменить. Неснятое событие — нет.

Он возился с устройством, а телефон рядом загорался всё новыми сообщениями.

Шестого сентября в общий чат прислали ссылку на телевизионный сюжет РЕН ТВ.

Кадры из посёлка наконец оказались за пределами бесконечной соседской переписки.

Одни воспринимали это как победу.

Другие надеялись, что теперь полиция и чиновники станут реагировать быстрее.

Кто-то предложил отправить ссылку губернатору.

Андрей Кириллович не был уверен, сколько именно зрителей нужно, чтобы трансформатор снова начал работать.

Но понимал, почему люди надеялись.

У каждого судебного заявления есть номер входящего документа. У телевизионного репортажа есть зрители. Иногда вторых оказывается больше, чем первых.

Седьмого сентября управляющая попросила соседей найти время в воскресенье: ожидали Первого канала.

Это сообщение вызвало редкое оживление.

В конце концов жители Петровского парка строили дома не для того, чтобы сниматься в новостях. Большинство предпочло бы попадать в телевизор по более приятному поводу.

Например, за победу в спортивном состязании или открытие художественной выставки.

Но журналистов интересовали не достижения хозяев.

Их интересовало отсутствие света в дорогих домах.

Девятого сентября управляющая вновь сообщила о скором приезде телевидения. Кому-то пришлось объяснять, где лучше снимать, кто может дать комментарий и какие дома готовы показать работу генераторов.

У жителей было много мнений о том, как правильно изложить историю.

Это неудивительно: к тому времени каждый уже успел рассказать её десятки раз в чате.

Удивительно другое: никто не мог убедить соседей рассказать её одинаково.

Десятого сентября съёмки продолжились.

Управляющая договаривалась с РЕН ТВ о времени приезда. Нужны были люди, свечи, фонарики и гул работающих генераторов.

В чате сразу нашлись специалисты по художественной постановке.

Один предложил снять холодильники с испорченными продуктами.

Другой — стиральную машину, которая вышла из строя.

Третий пошутил, что происходящее давно заслуживает полнометражного фильма.

Тут же начали подбирать жанр.

Комедия выглядела сомнительно.

Ужасы подходили больше.

Андрей Кириллович назвал происходящее «Пятницей, тринадцатым».

Управляющая потребовала прекратить разговоры о кино и ответить, кто реально будет на месте к шести вечера.

Соседи перешли к деловому общению.

На несколько минут.

Потом кто-то предложил взять осинового колья.

Этот реквизит в окончательную заявку не вошёл.

Одиннадцатого сентября ближе к девяти вечера в группе сообщили, что начинается репортаж на «России 1».

Андрей Кириллович открыл трансляцию на телефоне.

Собственный телевизор в доме всё ещё зависел от работы генератора, и в этом было некоторое неудобство. Чтобы посмотреть передачу о том, что у них нет света, нужно было сначала обеспечить себе свет.

В чате уже посыпались реакции.

Благодарили организаторов, людей, согласившихся выйти перед камерой, тех, кто сохранил документы, и тех, кто провёл съёмочную группу по посёлку.

Кто-то спросил, когда покажут следующий сюжет РЕН ТВ.

Кто-то предложил снова разослать видеозапись официальным адресатам.

Андрей Кириллович смотрел репортаж и думал, что телевизионный монтаж обладает необычным достоинством.

Он умеет превратить неделю непрерывных споров в несколько минут понятного рассказа.

На экране все знали, что происходит.

В чате — по-прежнему не все.

После эфира соседи заговорили о камере.

Той самой, что зафиксировала часть событий вокруг оборудования и сама пострадала.

— Сохрани её. Это будет главный экспонат поселкового музея, — предложил один из участников.

Андрей Кириллович ответил, что собирается поставить в рамочку.

Потом с некоторой гордостью сообщил, что сумел оживить устройство.

Это было вполне в его характере.

Он мог бы показать людям сломанную камеру как памятник ущербу.

Вместо этого отремонтировал её.

Памятник снова стал прибором.

На следующий день в посёлке по-прежнему не было ясности относительно будущего трансформатора.

Кого-то убеждал вариант выкупа существующих сетей. Другие считали, что нужно строить свои. У обоих решений были финансовые и правовые последствия, о которых соседи продолжали спорить.

Андрей Кириллович читал их сообщения и иногда отвечал резко.

Он не был наблюдателем над схваткой. Он тоже состоял в этом товариществе, знал людей, имел свои взгляды и допускал обычные человеческие ошибки.

Но в работе с устройствами всё оставалось легче, чем в отношениях.

Если камере не хватало питания, ей подавали питание.

Если она переставала записывать, проверяли накопитель.

Если человек не хотел слушать другого, нельзя было просто заменить повреждённый провод.

Хотя предложения такого рода в чате иногда появлялись.

Вечером он протёр объектив и снова закрепил камеру на месте.

Посмотрел на экран: въезд, дорожка, край забора. Мимо прошёл сосед с пакетом из магазина.

Ничего особенного.

Андрей Кириллович задержал изображение.

После всего, что произошло, вид человека, который спокойно идёт домой с покупками, казался ему лучшим телевизионным сюжетом.

Камера работала.

Ей опять было нечего сообщить.

Он надеялся, что так продлится подольше.

Глава 10. Белый дым

Аркадий Львович купил генератор на третий день без электричества.

До этого он полагал, что в загородном посёлке бизнес-класса свет должен быть по определению. Примерно как крыша, горячая вода и возможность не отвечать на рабочие звонки по воскресеньям.

Дом у него был хороший. Просторная кухня выходила окнами в сад, в гостиной стоял камин, которым почти не пользовались, а в котельной оборудование занимало больше места, чем когда-то вся его первая квартира. Дом умел поддерживать температуру, поливать газон и сообщать хозяину на телефон, если кто-нибудь открывал калитку. Он не умел одного — обходиться без электричества.

Генератор привезли на грузовике. Немецкий, в шумоизолированном кожухе, с автоматическим запуском. Монтажники говорили о нём уважительно, словно привезли не агрегат, а специалиста, согласившегося поработать за городом.

— Когда напряжение пропадает, он включается сам, — объяснил старший.

— А когда появляется?

— Сам выключается.

Аркадий Львович любил технику, способную принимать решения без его участия. Среди людей это качество попадалось реже.

Первую ночь он спал спокойно. Работали насос, холодильники, отопление, свет в коридоре. Утром жена сказала, что почти не заметила отключения.

— Вот именно, — ответил Аркадий Львович.

Он не уточнил, сколько стоило это «почти».

На второй день он подсчитал расход топлива. На третий проверил расчёты. На четвёртый перестал рассказывать о них жене.

За соседним забором жил Павел. У него тоже был большой дом, две машины и вполне успешное дело в Москве. Генератор он покупать не стал. Не из-за денег. Павел считал, что нельзя превращать временное безобразие в постоянный порядок за собственный счёт.

— Купим каждый по генератору, — говорил он, — и кто тогда будет решать общую проблему?

Аркадий Львович находил рассуждение стройным, но предпочитал слушать его при работающем холодильнике.

Однажды Павел постучал в калитку.

— Слушай, можно на пару часов подключиться? Аккумуляторы зарядить. У нас всё село.

— Конечно.

Павел принёс длинный оранжевый удлинитель. Кабель протянули через калитку, вдоль живой изгороди, к розетке на террасе. Аркадий Львович попросил только не включать ничего мощного.

К вечеру выяснилось, что на другом конце удлинителя работает соседский холодильник.

— Там продукты, — объяснил Павел.

— Я понимаю. Ты сказал — аккумуляторы.

— Аккумуляторы тоже зарядили.

Аркадий Львович посмотрел на кабель. Он лежал на дорожке, яркий и совершенно неуместный среди аккуратно подстриженных кустов.

Прошлой зимой Павел вытаскивал его машину из сугроба. Денег не взял. Ещё и отшутился, что застрявший сосед — это не услуга, а сезонная достопримечательность.

— Ладно, — сказал Аркадий Львович. — Только чайник не включайте.

— Не будем.

Через полчаса Павел написал: «Спасибо. Очень выручил».

Аркадий Львович хотел ответить, что бензин дорожает. Но написал: «Пожалуйста».

Двадцать третьего сентября жители Петровского парка собрались решать вопрос, куда более дорогой, чем топливо для одного генератора.

Речь шла о выкупе общего имущества у Устинова за тридцать шесть миллионов рублей.

Сумма была такой, что её трудно было представить целиком. Зато каждый легко представлял свою долю.

В чате перед собранием обсуждали, будут ли чай и глинтвейн, хватит ли стаканов, не слишком ли холодные лавочки и где взять электричество для чайников. В этом заключалась особая точность происходящего: люди собирались решать проблему электроснабжения, не зная, чем нагреть воду.

Аркадий Львович приехал с папкой документов. Павел — без папки, зато с распечатанными вопросами. Они поздоровались как обычно.

— Удлинитель не мешает? — спросил Павел.

— Пока нет.

— Я вечером заберу.

— Да оставь.

И на этом их согласие в тот день закончилось.

Аркадий Львович считал, что выкуп может оказаться дорогим, но понятным способом завершить затянувшуюся зависимость от прежнего собственника инфраструктуры. Не идеальным способом. Возможно, несправедливым. Но иногда за прекращение конфликта приходится платить даже тогда, когда уверен, что уже заплатил.

Павел думал иначе. Почему жители должны второй раз платить за то, что, по их убеждению, входило в стоимость участков? Кто проверил цену? Какие гарантии, что после передачи имущества не обнаружатся новые расходы? И что именно будет принадлежать посёлку после сделки?

Оба умели считать. Оба знали цену договору. Просто каждый видел в предложении разные риски.

Вокруг звучали и другие доводы. Одни надеялись, что покупка вернёт контроль над необходимыми коммуникациями. Другие опасались узаконить несправедливость. Третьи не доверяли ни продавцу, ни самой конструкции сделки.

Никто не приехал на собрание специально для того, чтобы оставить соседей без света. Но из этого ещё не следовало, что соседи сумеют договориться, как его вернуть.

Когда дошло до голосования, жители высказались против выкупа имущества за тридцать шесть миллионов рублей.

Это было принятое решение. Не недоразумение, не пауза и не отсутствие голосов. Посёлок сказал «нет».

Труднее оказалось понять, какое «да» должно последовать за этим «нет».

После собрания люди не разошлись сразу. Разговоры продолжались возле машин, на дорожках, в телефонах. Кто-то считал, что удалось избежать опасной сделки. Кто-то — что упущен шанс покончить с неопределённостью. Одни говорили о собственных сетях, другие — о необходимости снова договариваться.

Аркадий Львович встретил Павла у парковки.

- Ну что, доволен? — спросил он.
- Тем, что не отдали тридцать шесть миллионов без ясных гарантий? Да.
- А дальше?
- Дальше надо искать другой вариант.
- Его ещё надо найти.
- Значит, найдём.
- Они помолчали.
- Ты сегодня дома? — спросил Павел.
- Дома.
- Я удлинитель уберу. Мы уже договорились насчёт зарядки в другом месте.
- Не надо. Пока оставь.
- Павел кивнул. Поблагодарить ещё раз было бы неловко. Спорить — тоже.

В следующие дни в чате требовали ясности. Если не выкупаем, то строим? Если строим, то что именно, за какие деньги и на каком основании? Кто вправе говорить от имени всех? Кто отвечает за исполнение решения, которого ещё нет?

Двадцать девятого сентября снова прозвучал вопрос: выкупаем или строим?

Он казался простым, пока не выяснялось, сколько других вопросов скрыто внутри.

Кто-то сравнил ожидание окончательных результатов с избранием папы римского: все ждали белого дыма, который объявил бы, что выбор сделан.

Но в Петровском парке дым уже шёл. Он поднимался над участками из выхлопных труб генераторов и ничего не возвещал.

Отказ от покупки был общим решением. Общего представления о следующем шаге пока не возникло.

С каждым днём яснее становилось, что жители связаны не только дорогами, трубами и проводами. Между ними тянулись другие нити — из старых услуг, случайных обид, благодарности, подозрений, детской дружбы, общих счетов и неосторожных слов. Одни были прочными, другие рвались от одного сообщения в чате. Некоторые почти не замечали, пока кто-нибудь не пытался их перерезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.